театра. Было ясно, что еще со времен так называемых «главных и государственных действ», изображавших на сцене воинские походы и кровавые битвы, театр предъявлял к историческому материалу свои требования: «.. трагедия не история, изложенная в форме разговоров, история для трагедии есть не что иное, как перечень имен, с которыми мы привыкли соединять известные характеры» («Гамбургская драматургия», статья 24-я, 1767).[13]

Разумеется, приводя слова Дмитревского, написанные едва ли не через полвека после его беседы с Лессингом, мы допускаем историко-литературную бестактность, но все-таки эти высказывания позволяют нам предположить, в каком *направлении* могли развиваться взгляды русского театрального деятеля. Нам известно общее движение немецкого и русского театров XVIII в. (так же как и французского — после Мольера и Дидро) к более правдоподобной и детальной разработке характеров, к освобождению от наиболее жестких канонов классицизма и к усилению чувствительности.

Несомненно, во взглядах Лессинга и Дмитревского имелись различия. Перед Лессингом осенью 1766 г. стоял статный, красивый молодой актер «классической школы»,[14] владеющий жестом, сценическим движением, усвоивший манеру игры и декламации по правилам французского придворного театра XVII в., — да, реформатор этого уже устаревшего стиля игры, горячий поклонник Анри-Луи Лекена и Дэвида Гаррика, нарушителей прежних канонов, но все же *придворный* актер, сдержанный и церемонный. Правда, считая так, мы, возможно, утрируем манеру поведения тридцатилетнего Дмитревского, перенося на него черты, отмеченные мемуаристом в годы старости актера, но что-то от них должно было проявиться и в тот период. «Все его движения, — пишет о Дмитревском С. П. Жихарев, — были изучены и рассчитаны, а речь была тихая, плавная, и выражения, употреблявшиеся им в разговоре, большею частию изысканные».[15]

Лессингу давно уже было знакомо разрушение эстетики классицизма, так сказать, изнутри. Перед ним был пример великой «Нейберши» — Каролины Фредерики Нейбер (1697—1760), сподвижницы Й. Х Готшеда, воплотившей на сцене его идею «регулярного» театра. Театр Нейбер — это общественный, интеллектуальный театр, в котором штампы классицизма были обогащены

---

[13] *Лессинг Г Э* Гамбургская драматургия С 94

[14] Говорили, что Дмитревский послужил Антону Лосенко моделью для картины «Владимир и Рогнеда», причем художник писал с него обоих персонажей

[15] *Жихарев С П* Записки современника / Ред , статьи и комм Б М Эйхенбаума М , Л , 1955 С 560